

© 1991 г.

ПАВЛОВИЧ Н. В.

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Введение. Основная идея этой статьи состоит в том, что каждый словесный поэтический образ является членом некоторой парадигмы, т. е. передает определенный семантический инвариант. Инварианты могут иметь разную структуру, и в зависимости от этого различаются разные типы образных парадигм. Среди множества парадигм существует ряд элементарных, из которых строятся все остальные парадигмы. Их можно описать при помощи небольшого набора семантических признаков. При этом разные парадигмы имеют разную продуктивность, одни реализуются в большом количестве образов, другие — в малом. Можно выделить множество наиболее продуктивных элементарных парадигм, которые покрывают большую часть образных текстов. Взяв за основу понятие парадигмы образов, мы можем описать каждый поэтический образ с помощью ряда формальных характеристик, что позволяет исследовать образную систему языка в синхронии и диахронии.

Содержательно статья делится на три части. В первой (разделы I—III) вводится понятие парадигмы образов (определение, типы парадигм, описание такого свойства парадигм, как обратимость). Во второй части (разделы IV—V) описано соотношение: парадигма — образ (гипотеза о принадлежности каждого образа той или иной парадигме, понятие сложного образа). Третья часть статьи (разделы VI—VII) посвящена соотношению: система парадигм — система образов поэтического языка в целом (множество элементарных парадигм, множество наиболее продуктивных парадигм).

Предлагаемое описание получено в результате анализа авторской картотеки поэтических образов русской художественной литературы (в основном поэзии) XVIII—XX вв., содержащей около 20 000 образов, принадлежащих более 80 авторам.

I. Определение парадигмы образов. Примем следующее определение образа. Поэтический образ — это отрезок текста (от одного слова до нескольких строк или предложений), в котором сближаются (отождествляются) несходные (семантически далекие, несовместимые, в том числе противоречащие и противоположные) понятия, т. е. такие понятия, которые в нормативном общелитературном языке не сближаются. Иными словами, образ — это некоторое противоречие, сходство несходного¹. Сближаются при этом могут имена, предикаты, ситуации.

Рассмотрим ряды образов, в которых сближаются: (1) растения (цве-

¹ Такое понимание поэтического образа درست чаше распространено, см., например, работы В. Б. Шкловского [1] и П. Кеминда [2]. У последнего «Образ — это произвольное сближение двух или более различающихся, означаемых которых не находятся ни в какой «рациональной» (intelligible), связи в общепринятом смысле или смысле аристотелевской логики».

гы, зелень, деревья, листва, трава и т. д.) и вода (море, река, прибой, волны, разлив...); (2) душа (сердце) и существа (люди, животные, насекомые...); (3) солнечный свет (солнце, заря, восход, рассвет, закат, лучи...) и ткань (бархат, атлас, риза, шаль, ссзан...).

(1) растение → вода: *хвойные омуты кедрового моря; ливень дерева свергу пролился; разливы лиственные; кровавы маков река; лесов немерк нуций прибой; темный сад вздымался и опадал, как океан* и т. д. (всего в картотеке 47 подобных образов):

(2) душа (сердце) → существо: *шалунья-девочка — душа; сердце — Икар неразумный; сердце-знаток; птичница-душа; души-гагары; сердце — чайка или рыба; кобылица-душа; камбала-душа; А души моей — что бабочки искать; Будет сердце — как конь на заре* и т. д. (всего 73 образа):

(3) солнечный свет → ткань: *риза лучей; парча солнечная; красные куски зари, как ковровые пласты; солнечный виссон; замазали кружевом полотнища зорние; заря золотканная; одежды вечера; саваны утра, рассвет кафтаны опустил* и т. д. (67 образов).

Несмотря на поверхностные лексические и синтаксические различия образы внутри каждой группы имеют глубинное сходство — семантический инвариант.

Парадигма образов есть устойчивый семантический инвариант, который реализуется на поверхностном языковом уровне в ряде сходных образов.

Обозначим парадигму образов как $X \rightarrow Y$, где X и Y инварианты группы отождествляемых имен, предикатов, ситуаций, а стрелка указывает направление отождествления в парадигме. Так, в первом примере X есть «растение» — обозначение инварианта группы имен: цветы, листва, зелень, деревья, трава, тополя и т. д.; а Y — семантический признак «вода», инвариант группы имен: море, река, озеро, разливы, волны и т. д. Этот пример представляет собой парадигму «растение → вода», а два других — соответственно парадигмы «душа → существо» и «солнечный свет → ткань».

II. Типы парадигм образов. В зависимости от структуры X и Y различаются три типа парадигм.

1. Лексический (сближаются имена). X и Y — семантические признаки. Все приведенные выше примеры представляют лексические парадигмы.

2. Лексико-синтаксический (сближаются предикаты). X и Y включают не только семантические признаки, но и актантные синтаксические структуры. Поэтому на поверхностном уровне образы-члены таких парадигм более формульны, сходство их более очевидно. Примеры лексико-синтаксических парадигм: 1) *наступление* (ночи, дни, весны, субботы...) → *шествие* (*ночь идет по дороге черным мамонтом, ступает по тропе юной колдуньей, шатается по улицам, как вакханка* и т. д.); 2) *перемещение в пространстве* → *съедание* (*машина пожирает макароны дорог; мотоцикл глотает перевал; гусиный косяк сосет пространство; вагон съедает версты; паровоз объедает пространства, бульбукья нефтью в стальном животе; локомотив, брызжа паровую слюною, проглотил целюстями спиз; претаршинные версты* и т. д.); 3) *чувство* → *действие с тканью* (*разешивание, растилание, передевание одежд*); 4) *жизнь* → *танец*; 5) *течение* → *телодвижения*; 6) *шум листьев* → *речь*; 7) *чтение* → *съедание* и т. д. (подробнее примеры приведены в [3])

3. Ситуативный тип (сближаются ситуации). X и Y — описания ситуаций. Такие образы содержат внутри себя парадигмы первых двух типов. Пример ситуативной парадигмы: *что-то, видимое на чем-то* (*лошади в поле, звезды на небе...*) → *вкрапление в ткань* (узор на ткани, заплаты на одежде, украшение, грязь на ткани...): *корабли в бутле — цветы на ситце; овцы на багце — подожженные заплаты на бледном золотом парчи; роса на деревьях — жемчуг на зеленом платье; черника на лесных прогалинах — скатерть в темных пятнах; самолет в ночном небе — брошь на черном бархате; болотный мох с клюквой — ряднина, затканная бусинками и т. д.* Еще пример: *что-то внутри чего-то* → *зерна (косточки) в плоде*: *дом в лесу — косточка в сливе; люди в лесу — зерна в зеленой мякоти; мысли в голове — зернышки в спелом яблоке; человек в вагоне — зерно в стручке и т. д.*

Ситуативные парадигмы, по-видимому, самые сложные и наименее изученные. Заметим только, что одни ситуации чаще встречаются в позиции X, другие — в позиции Y. Так, например, ситуации «отражение чего-то в воде», «деревья и окно», «свет и окно», «тень на теле», «свет и тень», «ветви на фоне неба», «вода и берег», «светило и облака» чаще встречаются в роли X, а ситуации «рыбная ловля», «вхождение в воду», «игра в карты», «игра в бильярд» — в позиции Y.

III. Свойство обратимости образных парадигм. Парадигма называется *о б р а т и м о й*, если сближение может идти в обе стороны, т. е. существует и парадигма $X \rightarrow Y$, и парадигма $Y \rightarrow X$. К настоящему времени найдено около 250 обратимых лексических парадигм (см. их список в [3]). Обратимость в лексико-синтаксических и ситуативных парадигмах имеет место, но она не исследована, поэтому все, что будет сказано ниже в этом разделе, относится лишь к лексическим парадигмам.

В обратной парадигме частота реализации при сближении в одном и в другом направлении может быть разной. Иногда $X \rightarrow Y$ и $Y \rightarrow X$ примерно равны по числу образов-членов парадигм, как, например, в парадигмах: *роса ↔ слезы, самолет ↔ стрекоза, поле ↔ море, улица ↔ пробор*. Но это бывает редко. Чаще всего обратимые парадигмы в одну сторону более частотны, чем в другую. Более частотную парадигму будем называть *прямой*, а менее частотную — *обратной*. Так, парадигма *солнечный свет → ткань*, (67 образов) — *прямая*, а *ткань → солнечный свет* (5 образов) — *обратная*.

По-видимому, каждая парадигма потенциально *о б р а т и м а*, т. е. обратимость — семантическая закономерность, присущая образным парадигмам. Основания для этого предположения дает нам тот факт, что наряду с «естественной», традиционной обратимостью (*поле → море, море → поле; глаза → цветы, цветы → глаза; человек → дерево, дерево → человек и т. д.*) наблюдаются «искусственные», казалось бы, непредсказуемые случаи обращения парадигм, которые обнажают прием, т. е. показывают, что обращение парадигмы возможно в любом случае. Приведем несколько примеров таких «вырожденных» обращений парадигм. Примеры даются по схеме: название прямой парадигмы, число ее образов-членов, имеющихся в картотеке, краткая характеристика, название обратной парадигмы, число ее образов-членов, иллюстрация.

Пример 1. *Время → вода* (78 образов). Входит в более общую парадигму «экзистенциальное → вода». Примеры образов приведены в [3, 4].

Вода → время (9 образов). Море дуло на берега, сыпало прибрежными песками, катило волны, перемивало камни, перекачивало время (Пильняк); Река, что время: / летит — кружится; Поток / Рыдает / Пенной, / Кло кочет / Бездной / Дней... (Белый); И, окантован, перед ней / Мозучей пеной остров вырос. / Но там, где серого гнезда / Комок однажды прилепился, / Бьет время, волны разнуздав, / Осколки ругнувшего мыса (Тихонов); Пеленки в блеске голубом / роняли, как минуты, капли на пол (Евтушенко).

Пример 2. Экзистенциальное → транспорт (63 образа). Входит в парадигму «экзистенциальное → орудие». Время, дни, годы, история, эпоха, жизнь... — это колесо, колесница, телега, арба, одноколка, дилижанс, паровоз, барка, корабль, галера, струг, расшива, карета и даже костыли.

Транспорт → экзистенциальное (3 образа): Длинной вереницей один за другим, как дни человеческой жизни, потянулись по белому фону церкви вагоны и, казалось, конца им не было! (Чехов); ...океанский теплоход «Невель». ...так выглядела моя очередная судьба на ближайшие девять месяцев. Судьба ошвартовалась перед самой моей скамеечкой (Конечный).

Пример 3. Время → существо (64 образа). Входит в парадигму «экзистенциальное → существо». Время — это люди: старец, летун седой, вечный скороход, заимодавец-время, старик косматый, дед сутулый, скряга, доктор, мельник и т. д. Время, дни, годы, минуты... — птицы (деньки — голуби, часы — зяблики, дни — гуси и т. д.), животные: век-волкодав; Век мой, зверь мой (Мандельштам); крадутся минуты, как серые кошки (Луговской); Увидишь Предвечность — коровой она / Уснула в пучине, не ведая дна (Клюев). Время, минуты, часы... — насекомые (бабочки, пашель, тараканы); Время, как пашель, в углу, и за печкой, / Дерево жизни буравит, сосет (Клюев); Время, робкая хризалида, обсыпанная мукой капустица (Мандельштам); По стене сбежали стрелки. / Час похож на таракана (Пастернак).

Существо → время (4 образа). Ю. Л. Н. Толстом]: Старик лихой, старик пурговый / Из грозных косм подъямлет взор... Ты — молнией изгнувшееся Время (Белый); Где орлы сидят подобны вечности (Хлебников); Мы, как Время, настаем (Вознесенский); Я и время — мы так похожи! / Мы похожи, как близнецы, / Разноглазы и тонкокожи... / Ну, скажи, не одно и то же — Конвоиры и беглецы? (Лисянская).

Пример 4. Губы — растение (30 образов). Входит в парадигму «орган → растение». Губы, рот, уста — это цветы, розы, маки и т. д. Розы ль огнисты / В алых устах (Державин); Пламень уст — багряных маков (Белый); Закутав рот, как влажную розу (Мандельштам); Губы же словно заросли (Вс. Иванов); рот — цветок граната (Лавренев).

Растение → губы (3 образа): Веселый день горит... Среди сомлевших трав / Все маки пятнами — как жадное бессилье, / Как губы, полные соблазна и отрав, / Как алых бабочек развернутые крылья (Анненский); Красивые цветы у сон-травы, посмотришь на них, и словно это смеются со стебля лукавые девичьи губы, и меж розовых губ дразнит тебя язычок (Клычков).

Пример 5. Свет → орудие (178 образов). Включает три парадигмы: 1) солнечный свет → орудие (97 образов). Солнце, закат, рассвет, заря, лучи... — это мечи, стрелы, копыя, пики, рапиры, спицы, ножи, бритвы, иглы, лезвие, клинок и т. д.: О сердце вечера... Ты все изранено стальными лезвия — / Ах, слишком ранние! — возникли над тобой [о закате] (Б. Лифшиц); Словно бритва, рассвет полоснул по глазам (Высоц-

кий); 2) лунный свет → орудие (58 образов). Луна, месяц — серп, клинок, нож, меч, лезвие, сабля, резак...: *Как меч изогнутый воздушного Персея, / Вонзился лунный серп, уроненный на дно* (Вят. Иванов); *Я кладу в гильотину окна, / Никудышину, буйную голову. / Резаком упади, луна, / Сотни лет безнадежно тяжелая!* (Шершеневич); 3) звездный свет → орудие (23 образа). Звезды, Млечный путь, Венера, Веспер... — это иглы, гвозди, булавки, пики, копыя, зубья...: *Мерцают звезд булавки золотые* (Мандельштам); *и в бархат ночи вбиты звезды звезд* (Набоков).

Орудие → свет (10 образов): *И как, точно свет из разорвавшейся тучи, понеслись с копыями оправившиеся казаки* (Хлебников); *Закатным лучом — копьецо твоё / Из длинных перстов брызжет. / Иль луч пурпуровый / Косит копьем?* (Цветаева); *Как небо эту шею бычью / Секач как месяц озарял* (Хлебников); *Над их темными лицами сверкали лучи штыков* (Горький).

Пример 6. Глаза → орудие (96 образов) (примеры см. в разд. VI). Орудие → глаза (6 образов): *И глазом, зелени подобным, / Кидалась умная стрела* (Хлебников); *шило блестит, узкое, словно глаз Будды* (Вс. Иванов).

Пример 7. Вода → существо (79 образов). Вода → люди: волны, валы, море... — седые орды, войско, солдаты, янычары, великаны, бойцы, дружина...: о водопаде: *Стеклянной пуповиной летела в пропасть цепь / Стеклянных матерей и дочерей, внизу река шумела* (Хлебников); *И с пенных лестниц падают солдаты / Султанов жнителей — разбрызганы, разъяты, — / И ад разносят холодные скопцы* (Мандельштам). Вода, волны, море, река... — это животные: зверь, кошка, волчица, лев, двугорбый верблюд, скот, единорог, лев, кони, борзые, козлы, свиньи, овчарки, бегемоты, пантеры...: *И водопад белел во мраке, точно / Встающий на дыбы единорог* (Гумилев); *И косматой волчицей бежала Нева* (Н. Павлович); *Море лежало... Горизонт уже желтел болезненно и злобно. Это было простительно заре, прижавшейся к задней стене огромного, на сотни верст загаженного хлева, где во всякую минуту могли взбеситься и подняться со всех концов волны. Теперь же они полгали на брюхе, и чуть заметно терлась друг о дружку, словно несметное стадо черных и скользких свиней* (Пастернак). Вода — рыба: *А волны точно рыба / В чугунном кипятке / На печи морской битвы, / Скакали без ума* (Хлебников); *Как племя зловонных рыб, пойманных в сети, билась в камнях вода* (Вс. Иванов). Вода — птица: *По ребрам дюн жетет морская птица, / Неутомимый перистый компас* (Н. Матвеева).

Существо → вода (7 образов). Во всех семи случаях речь идет о женщине: *Она лежа, заснув с ласкающей свободой / Была как омут ночью или водоём* (Хлебников); *Ты — море. Лоб твой надухает, / Как вал крутой* (Вят. Иванов); *Когда вся ты беспомощною каплей / Стекаешь по груди моей* (Шершеневич); *Я же роскошная река* (Хлебников).

Пример 8. Вода → сосуд (24 образа). Озеро, море, океан, лужа... — это чаша, сосуд, блюдо, блюдце, лохань, котел: *Море же — это две чаши одна над другой: чаша неба и чаша воды* (Пильняк); *Лужи, как тонкие блюда, / Светятся около троп* (Заболоцкий); *море кипело, как котел с мыльной и грязной пеной* (Паустовский).

Сосуд → вода (2 образа): *В веселых, жарких, тесовых балаганах — ситцы, малиновые пряники. Под небом, как куски воды, — посуда* (Вс. Иванов); *И с тем же неизменным постоянством / Сползались с полу на почной пикник Ковры в тюках, озера из фаянса / И горы пыльных, беспрестанных книг* (Пастернак).

Пример 9. Слово → растение (43 образа) (входит в парадигму информация → растение). Слова, стихи, поэзия, песни... — это цветы, розы, мак, одуванчики, лебеда, шиповник, дуб, дерево, хвоя...: *Я б разбивал стихи, как сад. / Всей дрожью жилок / Цвели бы липы в них подряд, / Гуском в затылок (Пастернак); Осеняет Словесное дерево / Избавную, дремучую Русь (Клюев).*

Растение → слово (5 образов): *Шиповник так благоухал, / Что даже превратился в слово (Ахматова); Там, как стихи, павлиноцветы, / Гремучий лютик, звездный зев (Клюев).*

Пример 10. Брови → птица (3 образа). Входит в более общую парадигму «брови → существо».

Брови → птица: *Брови — черные стрижи (Клюев). И бровь его на сон похожая, / На дикой ласточки полет (Хлебников); И твердые ласточки крутых бровей / Из гроба ко мне прилетели (Мандельштам).*

Птица → брови (1 образ): *Летает дрозд, как сросшиеся брови (Бродский).*

IV. Принадлежность каждого образа той или иной парадигме. По видимому, семантическая инвариантность образа имеет общий характер, т. е. каждый образ включен в ту или иную парадигму. При этом образы широко распространены, их парадигматичность очевидна (таковы члены парадигм: время → вода, растения → волосы, свет → ткань, глаза → звезды и т. д.). Другие образы на первый взгляд кажутся уникальными, единичными, но тем не менее рано или поздно оказывается, что и они имеют инвариант — парадигму. См. приведенные выше примеры обратных парадигм, а также свет → язык: *Солнце свисало с неба, как розовый язык жаждущей собаки (Бабель); Солнце сплошь лизало меня большим, гладким языком (Набоков); «Вот!» — дивится Маша и взглянула на месяц. Показалось ей, что он вот-вот на землю уронит язык: такой он у него вытянулся длинный и в березе полощется (Клычков); так гигантское небо эпохи Батые / сковородку Земли, обжигаясь, берет языком (Вознесенский); Звезды → соски: *Небо словно вымя, / Звезды как сосцы (Есенин); И звезды на меня глаза таращат, / И млечность, как соски на животе! (Боков); Дорога → клавиши: препорядочный толчок, произведенный бревенчатой мостовой... Эти бревна, как фортепьянные клавиши, подымались то вверх, то вниз (Гоголь); И били в разрядку копыта по клавишам жерзлым (Мандельштам); И в клавиши протуаров бухали мужчины, / уличных блудливых остервенелые таперы (Маяковский). Зрение (взгляд) → захват арканом, ремнем: *Словно как стрелу вонзает / В глубину сердечных ран, / Взор за юношей бросает, / Как невидимый аркан (К. Павлова); так начинается Геддала и обвивает меня шелковыми ремнями своих дымчатых глаз (Бабель). Стрелы → зубы: прорезались, как два зуба, новые, желтые постройки (Горький); И тесные дожа — зубов молочных ряд — / На деснах старческих как близнецы стоят (Мандельштам); Двадцать мысов и бухт в санаторных фортах, / В этом мраморно-чистом посеве, / Так оскалил на юге очерщины рта / Неврастеник — угрюмый север (Луговской); и белозубый городок со свитой / несметных пальм (Набоков); Даже пляж, / расцелстав соленую слюну, / ослабил утыканную домами челюсть (Маяковский); Средиземное море шевелится за огрызками колоннады, / как соленый язык за выбитыми зубами (Бродский). Зубы → строения: *На улице рта белый ряд домов / Зубов / И в каждом жильцами нервы (Шершеневич); а, прячущий во рту / развалины почиве Парфенона (Бродский).****

Мысль о существовании инвариантов образов не нова. Впервые в при-

менении к поэзии нового времени она была высказана А. Н. Веселовским [5]. В мифологии же, фольклоре и историческом литературоведении эта идея развивалась в работах по генезису метафоры², образным архетипам³, теории общих мест (клише, формул)⁴, при анализе инвариантов мифов⁵. Что касается поэзии нового времени, то, вероятно, ввиду чрезвычайного богатства и разнообразия ее образов, особенно в текстах XX в., идея семантической инвариантности не получила развития. Тем не менее многочисленные исследования, характеризующие творчество того или иного автора, структуру текста, повторы и т. д., часто отмечают сходные в каком-то смысле образы: «перекликающиеся» образы (В. П. Григорьев [19]), «протекающие» образы, «лейтобразы» (В. Шершеневич [20]) Н. Харджиев, В. Тренин [21]), «сквозные образы», «образы-мотивы» (Н. А. Кожевникова [22, 23]), «многokrato повторынные, устойчивые для данного текста значения» (З. Г. Минц [24]). Непосредственно инвариантности посвящена работа А. М. Панченко и И. П. Смирнова об образных архетипах в русской средневековой словесности и в поэзии XX в. [25], а также статья Ю. А. Снежкова, где отмечен и проиллюстрирован факт образной синонимии [26].

V. Сложные образы. Выше говорилось о том, что каждый образ принадлежит той или иной парадигме. На самом деле все обстоит сложнее. Обычно образ включает не одну, а несколько парадигм. Поэтому была введена такая характеристика, как сложность образа.

Простой образ — это образ, принадлежащий одной парадигме. На-

² Наиболее близки к проблеме инвариантности образа работы О. М. Фрейдзенберг (на материале мифов и античной литературы) [6], И. Г. Франк-Каменецкого, писавшего об «устойчивости метафорических сопоставлений, переходящих от поколения к поколению» [7—10]. Устойчивые образы представлены в исследованиях по исторической поэтике, см., например, на русском материале книгу Д. С. Лихачева [11].

³ В начале XX в. Юнг распространил свою теорию психологических архетипов на восприятие человеком поэтических образов. Видимо, с тех пор стал общепринятым термин «архетип образа», «метафорический архетип» (metaphorical archetype) (см. об этом [12]), (image archetype) [13, 14].

В самой распространенной трактовке архетипы образов — это древние, изначальные (первичные) образы, общие для большей части человечества. Они попали в литературу из мифов, ритуалов, фольклора: это образы: земля — мать, небо — отец, верх (низ) — рай (ад), солнце — глаз и т. д. Некоторые исследователи, например, Уилрайт и Фрай, объясняют общность и вечность архетипов общими биологическими свойствами человека.

В понимании Юнга образные архетипы имеют соответствие в структуре мозга и наследуются. Юнг объединял образные поэтические архетипы с образами, которые всплывают из подсознания во сне или в патологических состояниях. М. Бодкин, посвятившая проблеме образных архетипов целую книгу, считает, что мозг по крайней мере предрасположен к восприятию архетипов. Бодкин описала ряд образных архетипов на материале античной литературы и английской поэзии [15]. Обзор работ по мифологическим архетипам см. в книге Е. М. Мелетинского [16].

⁴ Существует огромное число исследований — от античных риторик до современных работ, — предметом которых являются так называемые «общие места», формулы, художественные стереотипы, повторяющиеся в разных текстах. При этом под формулами понимаются самые разные вещи: куски текстов различной длины (от слова, словосочетания до нескольких строф), повторы точные и вариативные, вариативные на уровне лексики и на уровне синтаксиса, единицы, метрически обусловленные и необусловленные. Среди всех этих разных явлений клише некоторую часть занимают образные. Наиболее изучена формульность в фольклоре (эпические формулы, клише в паремологии). Чем ближе текст к нашему времени, тем менее он клиширован, и лишь немногие работы посвящены этой теме на материале поэзии XVIII—XX вв. (см. книгу А. Д. Григорьевой и Н. Н. Ивановой [17]).

⁵ О понятии инвариант — трансформация в мифологии см. статью Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова [18].

пример: *Течет река земного времени* (время → вода). *Солнце светит багрянцей* (свет → ткань). Сложный образ — образ, принадлежащий более чем одной парадигме. Приведем несколько примеров сложных образов:

Пример 1. *Плещет рдьяный мак заката / На озерное стекло* (Есенин). Здесь 3 парадигмы:

(1) свет → растение (цветы, розы, маки, бутоны, сад...)

(2) вода → вещество (стекло, слюда, кварц, хрусталь, кристалл...)

(3) свет → вода, лексико-синтаксическая парадигма (А плещет, брызжет, кропит, каплет на В): *малиновый каплет свет* (Ахматова); *Пусть вас золотом / Сет зари кропит*; *Закат обрызгал серые поля* (Есенин).

Пример 2. *...произанный тканью червоных пожаров, / плывет многобашенный город, туманно-далекий* (Белый) (об облаках в солнечном свете). Здесь 4 парадигмы:

(1) свет → огонь (пожар, костер, пламя, зарево...)

(2) свет → ткань [см. разд. I (3)].

(3) облако (туча) → строение (город, башни, храм, терем...): *в храме туч, сине-белой* (Брюсов); *Плывут облаков терема* (Клюев).

(4) свет → действие орудием, лексико-синтаксическая парадигма (А пронизывает, прокалывает, протыкает, дырявит... В либо: В пронзен, проколот, продырявлен... А): *что весь световым железом / Пронизан — пробит — пронзен* (Цветаева).

Пример 3. *В овраге снежные ширинки / Дырявит посохом закат, Полощет в озере, как в кринке, / Плеща на лес, кумачный плат* (Клюев). В этом образе 7 парадигм:

(1) снег → ткань (ковер, скатерть, платок, ширинка, холст, парча, риза, одежда...): *голубой парчой лежали снега* (Паустовский);

(2) свет → орудие: *Где опустило солнце осеннее / Свой золотой и теплый посох* (Хлебников) (см. также пример 5 разд. III);

(3) свет → действие орудием, см. предыдущий пример;

(4) вода → сосуд (озеро — кринка), см. пример 8 раздела III;

(5) свет → ткань (кумачный плат);

(6) свет → вода, см. выше пример 1 (3) (*закат плещет на лес*);

(7) отражение А в В → полоскание А в В (А полощет, моет... С в В или В полощет, моет... А): *у реки, полощущей / Цветные бусы фонарей* (Цветаева). Эта парадигма — лексико-синтаксическая.

Способы соединения парадигм в сложном образе составляют своеобразную семантическую грамматику, которая частично описана в [3, 27]. Частный случай сложного образа — сложный оксюморон — рассмотрен в [28, 29].

VI. Множество элементарных лексических парадигм. Парадигмы образов — не просто некоторое явление в жизни языка. Они представляют собой фактически элементы для порождения образов. По-видимому, существует небольшое множество элементарных парадигм, из которых строятся все остальные парадигмы, а следовательно, и все образы поэтического языка. Такая точка зрения на словесное искусство была высказана А. М. Панченко и И. П. Смирновым в [25].

Все лексические образные парадигмы можно описать с помощью небольшого набора семантических признаков, которые представляют собой возможные инварианты X и Y в парадигме вида $X \rightarrow Y$. Вот список этих признаков: «существо», «ткань», «вода», «звук», «информация», «орудие», «растение», «огонь», «пространство», «еда», «плоды», «вещество», «драгоценное», «сосуд», «свет», «экзистенциальное» (время, жизнь,

судьба, случай...), «орган», «ментальное», «стихия», «социальное», «мир», «природа», «предмет». Приведенные признаки имеют общий характер и включают более частные [так, признак «орган» содержит признаки: «глаза», «кровь», «рука», «губы» и т. д., признак «пространство» — воздушное пространство (небо, дым...), земное пространство (поле, дорога...), горы, строения и т. д., а признак «орудие» — орудия пронзающие, орудия давящие, транспортные средства и т. д.]. «Предмет» обозначает ряд предметов, каждый из которых семантически уникален (зеркало, лестница, паутина, крест, икона, алтарь, маятник и т. д.). С помощью этих признаков можно описать множество элементарных лексических парадигм вида $X \rightarrow Y$ ⁶. Проиллюстрируем сейчас, как укладываются в эту схему парадигмы для некоторого множества образов. Рассмотрим группу образов, где речь идет о глазах, т. е. в которых глаза, очи, взор, зрак и т. д. с чем-то сравниваются. Оказалось, что это множество (954 образа) порождается 25 парадигмами вида $\text{глаза} \rightarrow X$, где X — признаки, приведенные выше. Объем статьи позволяет привести лишь несколько таких парадигм. Каждая из них разделена на более частные, звездочка означает обратимость парадигмы. Более полное обоснование парадигм «глаза $\rightarrow X$ » содержится в [3].

1. Глаза $\rightarrow$ существо

Глаза $\rightarrow$ люди (лоцман, войско, правительство, конвой, воры, сторож, первопрестольники): *Глаза, как конвой. / Озираются: Куда? Направо? Прямо?* (Шершеневич); *и глаза его, зеленые воры, так по сторонам и бегали...* (А. Веселый).

Глаза $\rightarrow$ птицы (скворцы, ястребы, орлы, канарейки, соколы, чижи): *И только словно утомленные птицы, устало махая крыльями, летели темные глаза* (Вс. Иванов); *Глаза, как два скворца в скворешнице; Как птицы жчтятся на меня / Синие глаза мне прямо в душу* (Хлебников).

Глаза $\rightarrow$ животные (зверки, мыши, лисичи, змеи): *маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши* (Гоголь); *зрачок как лисица, в заросли — золотисто-серый* (Вс. Иванов).

Глаза $\rightarrow$ насекомые (мотыльки, светляки, бабочки, шмели, пчелы, осы, блохи, пауки): *Как черный мотылек / В бровях блистает глаз* (Хлебников); *Загнали проворные, как блохи, глазенки, запрыгали* (Вс. Иванов).

Глаза $\rightarrow$ пиявки: *очи пламенные / Черные струились полосой, реяли, плыли по течению / К быку победителю — длинные пиявки по руслу реки — тысячи глаз / Тянулись* (Хлебников); *как пиявки, глазки пьяниц налились* (Вознесенский).

Глаза $\rightarrow$ рыбы: *а глаза, как два сига, / из-под платка сигают!* (Евтушенко); *в зеркальной заводи трепещут / две золотые рыбки глаз* (Дольский).

2. Глаза $\rightarrow$ орудие

Глаза $\rightarrow$ орудие * (пронизывающие)⁷: стрелы, мечи, копья, иглы, бу-

⁶ Кроме того, существуют еще признаки-свойства, порождающие два особых класса парадигм: оксюморонного типа, т. е. антитезы, оксюмороны в пр. (*жаркий холод; железная нежность; И черным белым был...*), а также парадигмы «эстетические» образов (*шершавый голос; квадратный крик; хриплая ограда...*). Частично эти признаки описаны в [28], а типы парадигм в зависимости от типа признака — в [30].

⁷ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: зрение $\rightarrow$ действие орудием, т. е. глаза (взор, взгляд...) пронзают, режут, протыкают, ранят, кромсают...: *Его тревожные взоры кромсали также и воздух* (Пастернак); *Ты б знал, как младенцу косят, / Чтобы вырезать взором из дали / Утешную тему змели — / Скамейку, собаку и сад* (Ю. Мориц); *горячими глазами еклиниваясь в темноту* (Шолохов).

равчики, клинки, сабли, шашки, гвозди, ножи, пило, лезвия, секира. кинжалы, коса, острога, штопор: *Твоих очей пылающие стрелы* (Жуковский); *Глаза — как туркменская сабля* (Вс. Иванов); *синие лезвие чужого взгляда* (Шолохов); и *глаз мечи, что, жедля, метят* (Вяч. Иванов); *Глаза человека — секира* (Хлебников); *Только глаза, как шило, сберег* (Тихонов); *мужские взгляды как острогу, / на провинившихся метать* (Аввакумова).

Глаза → оружие * (огнестрельное)⁸: порох, ядра, дробь, заряд, картечь, пули, обойма, дула, автомат, винтовка: *И прыгает черными ядрами / Очей шоколадных картечь* (Мартынов); *а взгляд — огнестрельное оружие* (Гоголь); *Стволы глазищ — числом до десяти, / как дула на мишень, но на живую* (Высоцкий).

Глаза → метла: *Метлою глаза из тысячи окон / Ночную темь мели* (Хлебников).

Глаза → грабли: *Их очи колючи как грабли* (Хлебников).

Глаза → аркан (ремни) (примеры см. в разд. IV).

Глаза → транспорт (механизмы, приспособления): лодки, автомобиль, мотоцикл, подшипник, колесо: *По лицу проносятся очи, / как буксующий мотоцикл* (Вознесенский); *В моих глазах спокойно-карих, / Как сломанный автомобиль, застыло дремлет тишь* (Шершеневич); *а под бровями, как лодки-ледянки, / ходят, покачиваясь, глаза* (Евтушенко); *Глаза мои хотели удивленно и вопросительно подняться, но я успел поймать их на лету и посадил обратно на аэродром стола* (Конечный).

Глаза → орудия давящие (разбивающие, ломающие)⁹: гири, молоты: *Млат в ночи / нехристя очи* (Асеев).

Глаза → телескопы *: *И, сдвигая телескопики / Своих потуживших глаз, Птица думала* (Заболоцкий).

Глаза → антенна: *и я начинаю звенеть и звенеть / антеннами глаза, глотки, носа* (Маяковский).

3. Глаза → орган

Глаза → клыки, зубы¹⁰: *У Олимпиады глаза — клыки* (Вс. Иванов); *Зубы зрения крошатся и обламываются, когда смотришь впервые на армянские церкви* (Мандельштам).

Глаза → щупальцы (хватающие, цепляющие): *Морскими щупальцами тянулись к коню слепому и бедному — / Храма тысячеокого очи; И толпа тысяч и тысяч сосала / Щупальцами и жалами зрелище* (Хлебников); *стекловидные щупальца следователей и ваттеров* (Шаламов).

Глаза → рот * (пасть, губы)¹¹. *Двуочие раззевать, как пасть!* (Цве-

⁸ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) ранят навзлет, стреляют, расстреливают: ...*глаза его выпучились, как будто хотели выстрелить* (Гоголь); *под растрепелом глаз вдруг задумчивых толп* (Хлебников); *Он ранит взглядами навзлет* (Исаковский); *Анна Ахматова прострелила меня своими гипнотическими глазами* (Паустовский).

⁹ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) давят, прижимают, ломают...; и только тогда прижал Петра строгим, лажно мерцающим взглядом (Шолохов); *Глаз без всяких восторгов давила танцовщицу взглядом* (Т. Толстая); *А царь на него покосился, да так, / что взглядом сломал, как в ладони пятак* (Евтушенко).

¹⁰ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: глаза (взор, взгляд...) грызут, кусают: *Укушенный взором неистово-злымным* (Шершеневич); *Зрачки кусающие в Ваше лицо полегали* (Шершеневич); *думал, злобно обгрызая глазами крутой оптический замылок* (Шолохов).

¹¹ Соответствующая лексико-синтаксическая парадигма: зрение → съедание; глаза (взгляд, взор...) жрут, глотают, едят, сосут, пьют...: *Два страшные глаза прямо*

Таблица 1

А	В
свет → Y экзистенциальное → Y орган → Y растение → Y воздушное пространство → Y информация → Y ментальное → Y стихия → Y вода → Y строение → Y существо → Y	X → существо X → ткань X → вода X → информация X → оружие X → растение X → орган X → огонь X → пространство X → еда X → плоды X → вещество X → драгоценное X → сосуд

таева); *Итак, страдание скрещивает органы чувств, создает гибриды, приводит к губастому глазу* (Мандельштам); *Глаз его сощурен, как губы гурмана, сосущие сквозь соломинку упоительное варево, называемое жизнью* (Вознесенский).

VIII. Множество наиболее продуктивных парадигм. Мы говорим, что парадигма тем продуктивнее, чем чаще она реализуется в образах, т. е. чем больше образов принадлежит данной парадигме. Парадигмы существенно отличаются друг от друга своей продуктивностью. Это можно было видеть на примере прямых и обратных парадигм (см. разд. III). Для парадигмы типа «глаза → X» наиболее частотными являются «глаза → огонь», «глаза → оружие», наименее частотными 8 парадигм: глаза → предмет [глаза → зеркало, глаза → окно (дверь, ставни), глаза → пуговицы, глаза → иконы, глаза → кресты, глаза → знамя, глаза → пробки, глаза → паутина]. На основании анализа картотеки были найдены наиболее продуктивные парадигмы (см. табл. 1).

Количество образов, принадлежащих парадигме из табл. 1, определяется суммой образов, принадлежащих данной парадигме при всевозможных значениях X либо Y (X и Y — признаки из разд. VI). Так, парадигмы «свет → Y» принадлежат все образы, которые принадлежат парадигмам: свет → существо, свет → ткань, свет → вещество и т. д.

Часть А табл. 1 показывает, о чем больше всего образов в русской литературе. Наиболее продуктивны по предварительным подсчетам первые три парадигмы части А (так, образы света составляют 19—20% от общего числа образов картотеки). Однако внутри парадигмы разброс в частотах реализации более частных парадигм может быть весьма значителен. Так, парадигма «свет → Y» включает парадигмы: солнечный свет → Y, лунный свет → Y, звездный свет → Y. Соотношение их частот примерно равно 35 : 19 : 17, т. е. солнечный свет в русской литературе поэтизируется больше, чем звездный и лунный. Приведем ниже примеры количественного распределения образов по частным парадигмам внутри более общей (признак X частной парадигмы обозначен лексемой или группой лексем).

всперились в него, как бы готовясь сожрать его (Гоголь); *Советский муж с лысой бородой! Сосал глазами пияску! Едушиц в Персию* (Хлебников); *словно всосала взгляд мужа в провалыме грачки* (Тендряков).

орган → Y

глаза → Y (954 образа), душа (сердце) → Y (455), лицо → Y (132), губы (рот, уста) → Y (111), грудь (перси) → Y (71), рука (ладонь, пальцы) → Y (61), брови → Y (49) и т. д.

экзистенциальное → Y

время → Y (583 образа), жизнь → Y (424), смерть → Y (280), судьба → Y (190), осень → Y (265), весна → Y (71), зима → Y (45), лето → Y (15), ночь → Y (328), день → Y (90), вечер → Y (59), утро → Y (10).

стихия → Y

ветер → Y (286 образов), снег → Y (227), дождь → Y (196), метель → Y (190), гроза → Y (48), град → Y (7), ураган (тайфун) → Y (4).

Часть В табл. 1 показывает, с чем больше всего идет сравнение в образах русской литературы. Приведенные в этой части парадигмы для каждого данного X порождают большую часть образов и составляют большую часть всех его парадигм.

Из сопоставления двух частей таблицы видно, что есть признаки, которые делают парадигму продуктивной лишь в одной позиции. Так, признаки «ткань», «сосуд», «драгоценное», «вещество» чаще занимают позицию правого члена парадигмы (чрезвычайно мало образов о тканях, сосудах и т. д., и наоборот, очень продуктивны парадигмы вида: X → ткань, X → сосуд, X → вещество, X → драгоценное).

С помощью предложенных семантических признаков можно описать не только парадигмы общего характера (такие, как глаза → Y, см. выше, или растение → Y, т. е. парадигмы о деревьях, цветах, травах, ветвях и т. д.), но и парадигмы для конкретных лексем. Это и будет описанием значения лексемы в поэтическом языке. Вот, например, парадигмы лексемы «сирень»:

1. Сирень → существо (гений, баловень, лыжница, купальщица, пудель, многоголовый девичник, гостыя, чужестранка): *сирень — как лыжница, / сирень, как пудель, мне в щеки лижется!* (Вознесенский).

2. Сирень → ткань (чалма, кисей, буфы, бархат): *Какая пыльная лиловая чалма! ... На лоб съезжала мне, топорщилась у глаз* (Кушнер); *пустив на буфы бархат кардинальский, / цветок вступает в скудный мой чертог* (Ахмадулина).

3. Сирень → вода (прибой, течение): *Как радостно и странно было глядеть сверху на этот мощный волнистый сиреневый прибой, набегавший на городишко жеманно-лиловыми, красно-фиолетовыми волнами* (Куприн).

4. Сирень → звук: *И лишь в окно вливалась песнь сирени* (Брюсов); *Ночные грозды гудят мажрово, / как микрофоны из мельхиора* (Вознесенский).

5. Сирень → пространство:

а) сирень → воздушное пространство (облака, дым, туман): *Сирень персидская стоит как облака* (Кушнер); *За корпусами сад... застланный лиловым дымом мажровой сирени* (Лавренев);

б) сирень → земное пространство; сирень → строение (своды, город, Париж, особняки): *Сирень похожа на Париж, / горящий осами окошек. Ты кисть особняков продろгших / серебряную шевелишь* (Вознесенский);

у сиреневых сводов (Ахмадулина): Когда она цвела и стояла вся в пене, она была похожа на город (Трифонов);

в) сирень → горы: *Взгляд поднимается как бы на холм с холма (Кушнер) [о персидской сирени]; Горы подножье и подвал — / словно провал ума больного / Как бедный Врубель тосковал! / Как все безвыходно лилово!* (Ахмадулина).

6. Сирень → огонь (лишь косвенно в лексико-синтаксической парадигме: *сирень пылает ацетиленом!* (Вознесенский)).

7. Сирень → орудие: *В каждый гвоздик душистой сирени (Фет)*. Также сближение с транспортом в лексико-синтаксической парадигме «цветение → езда»: *свистит трассирующая сирень* (Вознесенский); *сирень как гений! / из всех одна / На третьей скорости цветет она* (Вознесенский).

8. Сирень → орган (глаза, очи, пальцы): *под кустом волоокой сирени (Кушнер); Все смотрю я в сиреневые очи (Ахмадулина); Ночные персты сирени* (Вознесенский).

9. Сирень → драгоценное (аместист): *Лилового жадного растения / хочу! — сгустился робкий аметист* (Ахмадулина).

10. Сирень → свет (люстра, салют): *Вокруг планеты зеленой люстрой как сто салютов, стоит сирень* (Вознесенский).

11. Сирень → пена (см. выше парадигму сирень — земное пространство).

Понимая, что предложенные в этой статье схемы описания — семантические признаки и парадигмы — требуют отдельного обоснования, невозможного в рамках журнала, мы надеемся все же, что примеры в тексте хотя бы отчасти иллюстрируют обоснованность и психологическую реальность найденных образных парадигм.

Заключение. В этой статье мы рассмотрели простейшие свойства организации образной системы языка: свойство каждого образа принадлежать той или иной парадигме (простой образ) или нескольким, многим парадигмам (сложный образ), свойство обратимости парадигм, существование множества элементарных парадигм и множества наиболее продуктивных элементарных парадигм.

На основе этих свойств и соответствующих формальных структур можно исследовать более сложные и интересные проблемы развития образного языка. Некоторые предварительные результаты на этом пути получены уже сейчас. Так, удалось понять, каковы основные способы создания «новых» образов и пути из развития [4, 31], а также как с точки зрения предложенных формальных структур характеризовать авторский стиль [3, 32]. Определены также те характеристические поэтического образа, которые, по-видимому, релевантны для исследования поэтического языка в синхронии и диахронии: 1) сложность — простота образа; 2) парадигмы, которым принадлежит образ; 3) типы этих парадигм; 4) общее число парадигм и число парадигм каждого типа; 5) образная насыщенность (отношение числа слов образа к общему числу его парадигм); 6) реальное лексическое наполнение парадигм (какой лексемой выражены X и Y); 7) усиление парадигмы (сколько раз и в каких реальных лексемах повторяются X и Y); 8) тип «семантической грамматики», т. е. тип соединения парадигм в сложном образе.

Однако очевидно, что анализ по этим параметрам на большом материале с установлением различного рода корреляций невозможен вручную и требует применения вычислительной техники. Мы надеемся, что машинный вариант словаря поэтических образов позволит прояснить многое, оставшееся за рамками этой статьи: определить точную хронологию

и статистику парадигм образов в разные исторические эпохи; установить распределение разных параметров поэтических образов в разные эпохи; описать развитие каждой парадигмы: частотные характеристики, изменение ее лексического состава, степень ее участия в сложных образах, время и авторство ее «обращения» (т. е. появления обратной парадигмы); сопоставить образные системы разных авторов, поэтических направлений, эпох; найти корреляцию образных парадигм с теми или иными характеристиками общественного развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Шкловский В. Б. Законы сцепления // Шкловский В. Б. Повести о прозе. Т. I. М., 1966.
- 2 *Saminade P. Image et métaphore.* Nancy, 1970.
- 3 Автоматизация подготовки словарей / Под ред. Павлович Н. В. М., 1988.
- 4 Павлович Н. В. Парадигмы образов в языке русской поэзии XX в. // Язык русской поэзии XX века. М., 1989.
- 5 Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940.
- 6 Фрейдберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. Период античной литературы. Л., 1936.
- 7 Франк-Каменецкий И. Г. О развитии поэтической метафоры // Советское языкознание. Вып. 1. Л., 1935.
- 8 Франк-Каменецкий И. Г. Растительность и земледелие в поэтических образах библии // Язык и литература. 1929. Вып. IV.
- 9 Франк-Каменецкий И. Г. Вода и огонь в библейской поэзии // Ифетический сборник. Вып. III. Л., 1924.
- 10 Франк-Каменецкий И. Г. Отголоски представлений о матери-земле и библейской поэзии // Язык и литература. 1924. Вып. VIII.
- 11 Лухачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- 12 *Wheelwright Ph. Metaphor and reality.* Bloomington; London, 1966.
- 13 Fry N. Fables of identity. Studies in poetic mythology. N. Y., 1963.
- 14 Fry N. The archetypes of literature // Myth and literature. Contemporary theory and practice / Ed. by Vickery J. Lincoln, 1966.
- 15 Bodkin M. Archetypal patterns in poetry // Psychological studies of imagination L., 1934.
- 16 Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М., 1976.
- 17 Григорьев А. Д., Иванова Н. Н. Поэтическая фразеология Пушкина. М., 1969.
- 18 Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Инвариант и трансформация в мифологических и фольклорных текстах // Типологические исследования по фольклору. М., 1975.
- 19 Григорьев В. П. Грамматика видности. В. Хлебников. М., 1983.
- 20 Шершеневич В. Листы иагиниста. М., 1920.
- 21 Харджиев Н., Тренин В. Поэтическая культура Маяковского. М., 1970.
- 22 Коженикова Н. А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // ИАН СЛЯ. 1976. № 1.
- 23 Коженикова Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1985.
- 24 Милн Э. Г. Лирика Александра Блока. Тарту, 1965.
- 25 Панченко А. М., Смирнов Н. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX в. // ТОДРЛ. 1971. Т. XXVI.
- 26 Снежков Ю. А. Поэтическая синонимия (К проблеме синонимии тропов) // ФН. 1983. № 4.
- 27 Pavlovich N. V. Hierarchy in the image system of the language // Symposium on language universals. Tallinn, July 28—30. Tallinn, 1987.
- 28 Павлович Н. В. Семантика оксюморона: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.
- 29 Павлович Н. В. Сила и сложность семантического противоречия в оксюморе // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981.
- 30 Павлович Н. В. Типы поэтических образных парадигм // Уч. зап. Тарт. ун-та 1990. Вып. 911.
- 31 Pavlovich N. V. Automatic dictionary of poetic images: historical development of non-normative semantics // Symposium on formalization in historical linguistics Tallinn, 1986.
- 32 Членова С. Ф. Об одном подсловаре автоматического словаря поэтических образов // Вторая всесоюзная конференция по созданию Машинного фонда русского языка. М., 1987.